

## Титаны нашего поколения

Я медленно поднимаюсь по лестнице административного здания нашего Университета. А ведь 68 лет назад я на одном дыхании взбежал по этой лестнице до четвёртого этажа на пути к осуществлению своей мечты — стать военным моряком (на четвёртом этаже располагалась кафедра военно-медицинской морской подготовки).

Сейчас я поднимаюсь медленно. Не только из-за того, что придерживаюсь рукой за перила, но и потому, что смотрю на размещённые на стене портреты людей, связавших свою жизнь с нашей alma mater. В памяти всплывают слова песни «Вот застыл батальон в строю, снова старых друзей узнаю...»

Одних я знаю только заочно, по их учебникам и научным работам. Другие были моими учителями. Я слушал их лекции, разговаривал с ними на зачётах, экзаменах. А кое-кто — уже из числа моих сверстников.

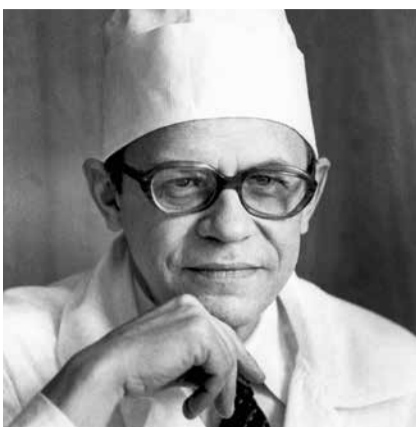
Вениамин Каверин, автор романа «Два капитана», писал, что понятие «поколение» он понимает как сообщество людей близкого возраста, связанных общей деятельностью и общими интересами. Я принадлежу к тому поколению, чьё детство и школьные годы выпали на Великую Отечественную Войну. Тех ребят, которые к началу войны еще не достигли призывного возраста, но познали все ее тяготы. Мечтали принять участие в борьбе с фашизмом, но «опоздали» на войну. Во время войны учились в школах, ремесленных училищах, помогали взрослым труженикам тыла приближать победу над фашизмом. Мы — поколение детей войны, а точнее — поколение детей победителей. Я горжусь тем, что отношусь к этому поколению. По возрасту я стою в середине этой шеренги. Наши правофланговые — на пять-семь лет старше, они окончили школу вскоре после завершения Великой Отечественной. Когда в 1954 году я подавал документы для участия в конкурсных экзаменах в 1 ЛМИ им. акад. И.П.Павлова, они уже получали дипломы об окончании нашего института. Самые достойные остались на кафедрах, где продолжили обучение в клинической ординатуре. Мы же, преодолевшие в тот год конкурсный барьер, сделали первые шаги по пути, уже пройденному ими. Разница в возрасте между нами была всего шесть лет. Но хотя мы и относились к одному поколению, различие между нами было велико. Они были врачами, лейтенантами медицинской службы запаса, а мы — салагами. Поэтому они стали для многих из нас, в том числе и для меня, не просто старшими товарищами, но и наставниками, учителями.

В числе наших «правофланговых» были В.А.Алмазов, Л.В.Поташов, С.И.Рябов, В.И. Страшнов, В.Н.Ткачук, Г.Б.Федосеев. Нынешние выпускники Первого медицинского знают их как выдающихся ученых, руководителей кафедр, институтов и клиник, гордость нашей alma mater и всей страны. А мне посчастливилось оказаться рядом с ними на профессиональном и жизненном пути еще в те времена, когда они были молодыми учеными, клиническими ординаторами и аспирантами.

Первым, с кем я познакомился из числа «правофланговых», был Глеб Борисович Федосеев — секретарь комсомольской организации института. Наша встреча произошла в совхозе «Ленинский», где мы, студенты 1 курса, во время летних каникул строили бетонированные траншеи для силоса. Через год, когда прозвучал обращённый к молодежи страны призыв помочь убрать первый целинный урожай, Глеб предложил мне возглавить один из студенческих стройотрядов нашего института. Многие годы работы в 1 ЛМИ мы с Глебом Борисовичем вместе приветствовали студентов-первокурсников и напутствовали выпускников нашей alma mater: он — от имени лечебного факультета, я — от стоматологического. Знакомство с его фундаментальным трудом по синдромальной диагностике помогло мне обобщить свои многолетние клинические наблюдения в виде концепции синдрома ПСАФ-аутодезадаптации.

Еще в студенческие годы я познакомился с анестезиологом клиники госпитальной хирургии Виктором Ивановичем Страшновым. Студентом 4 курса слушал его выступление с отчетом о стажировке в Англии. Интересуясь анестезиологией, часто присутствовал на операциях, когда обезболивание осуществлял Виктор Иванович.

Со Львом Васильевичем Поташовым мы — однокашники. Наверняка не раз встречались в коридорах и вместе ели горячие завтраки в нашей 183-й средней мужской школе на улице Салтыкова-Щедрина (сейчас ей возвращено историческое название — Кирочная улица). В 1948 году Льва Поташов закончил школу, а я перешел в пятый класс. Наши встречи в школе я, правда, не припоминаю. Зато навсегда запомнил, как наши пути пересеклись в 1958 году, когда я, студент 5 курса, подошёл к врачу клиники госпитальной хирургии нашего института Льву Васильевичу Поташову и передал ему рекомендательное письмо от хирурга больницы города Гусев Калининградской области Светланы Маурин. В этой больнице под ее руководством я проходил врачебную практику после 4 курса. В студенческие годы Светлана Маурин занималась в СНО кафедры госпитальной хирургии у Льва Васильевича. В письме она сообщила, что я под ее



Владимир Андреевич Алмазов



Лев Васильевич Поташов



Глеб Борисович Федосеев



Владимир Николаевич Ткачук



Виктор Иванович Страшнов



Сергей Иванович Рябов

руководством выполнил 12 аппендэктомий. Прочитав письмо, Лев Васильевич пригласил меня прийти в клинику, когда он будет работать в составе бригады хирургов по оказанию скорой помощи больным.

В день очередного дежурства клиники по скорой помощи я подошёл ко Льву Васильевичу. Он предложил мне помочь ему с обследованием поступающих больных и заполнением историй болезни. Вскоре ему сообщили, что больного с острым аппендицитом везут в операционную. Лев Васильевич разрешил мне ассистировать ему во время операции. Удалив воспалённый червеобразный отросток и наложив кистетный шов на слепую кишку, он предложил мне закончить операцию. Моя работа ему, очевидно, понравилась. Он похвалил меня и пригласил на следующее дежурство. Как и в первый раз, я исследовал с ним больных, заполнял истории болезни, «помылся» для участия в операции в качестве помощника. А когда закончил обрабатывать операционное поле, набрался смелости и спросил:

— Можно я прооперирую?

Лев Васильевич молча поменялся со мной местами у операционного стола. Я начал выполнять местную инфильтрационную анестезию раствором новокаина с помощью 20-миллилитрового шприца. Вдруг шприц выскользнул у меня из рук, упал на пол и разбился.

— Какой ужас! — думаю я. — Сейчас мне придётся вернуться на место ассистента.

Боюсь поднять голову посмотреть в глаза Льву Васильевичу. Вдруг слышу его слова, обращённые к операционной сестре:

— Дайте доктору другой шприц.

Я закончил выполнять анестезию и, не глядя, положил шприц... мимо стола операционной сестры. Шприц упал на пол и разбился.

— Теперь-то уже все! — решил я и замер в ожидании сурового приговора от Льва Васильевича. И услышал:

— Ну, ты даёшь! Так ты все шприцы нам перебежьёшь.

Он разрешил мне завершить операцию и записать её в операционный журнал. Тогда мы ещё не знали, что однокашники.

Обнаружилось это позже, в 1975 году, во время празднования на стоматологическом факультете 30-летия Победы в Великой Отечественной Войне. В ходе разговора неожиданно выяснилось, что за столом сидят четверо профессор-выпускников 183-й школы Ленинграда: Владимир Арсеньевич Дунаевский (год выпуска — 1939), Лев Васильевич Поташов (год выпуска — 1948), Михаил Михайлович Соловьёв (год выпуска 1954), Виталий Александрович Цырлин (год выпуска — 1956).

Кафедра общей хирургии, которой заведовал Лев Васильевич с 1977 по 2005 год, располагалась рядом с набережной реки Карповки. Здесь в праздники 1 мая и 7 ноября перед демонстрацией формировалась колонна сотрудников института. Коллеги-однокурсники Льва Васильевича обычно забегали на пару минут в его кабинет, где всех уже

ждали горячий чай, кофе и кое-что другое, чтобы согреться, перекусить, поговорить, пошутить. В праздничной колонне шли согрешившие и в хорошем настроении на Дворцовую площадь.

Когда я оканчивал клиническую ординатуру и был близок к завершению работы над кандидатским исследованием, Владимир Андреевич Алмазов, Сергей Иванович Рябов и Владимир Николаевич Ткачук уже заканчивали работу над своими докторскими диссертациями. Такое стремительное восхождение наших «правофланговых» вдохновило меня последовать их примеру и не сбавлять темпа научного поиска. Нужно было выбрать тему исследования, которая могла бы стать основой для докторской диссертации. Я сформулировал рабочую гипотезу исследования следующим образом: «Клинико-экспериментальное изучение патогенеза и лечения остеомиелита челюстей с позиции концепции Ганса Селье об общем адаптационном синдроме».

Совет молодых учёных 1 ЛМИ им. акад. И.П.Павлова возглавлял тогда Владимир Андреевич Алмазов, а я был членом этого Совета — представлял в нём стоматологический факультет. Я обратился к Владимиру Андреевичу с просьбой высказать мнение о планируемом исследовании. Он живо откликнулся, состоялось неформальное обсуждение. В работе предполагалось проведение гематологических исследований в большом объеме. Поскольку тема еще не была запланирована и носила поисковый характер, силы и средства для проведения исследований мне предстояло разыскать самому. Владимир Андреевич предложил мне помощь в обучении студентов гистохимическим методикам исследования крови!

Поистине дружеские отношения сложились у нас с Владимиром Николаевичем Ткачуком за годы совместной работы в деканате иностранных учащихся, а также в период строительства здания Нефроцентра.

В бытность мою главным стоматологом Ленинградской области я неоднократно приглашал моих правофланговых друзей в районы Ленинградской области с целью оказания консультативной и методической помощи практическому здравоохранению. Вспоминаются наши выезды в Гатчинский и Лужский районы. Это были незабываемые поездки. Мы ехали институтским автобусом. Всю дорогу как мальчишки, перебивая друг друга, делились воспоминаниями, рассказывали забавные истории, анекдоты, пели хором песни нашей молодости.

Таковыми они, мои старшие товарищи, и остаются в моей памяти — молодыми, веселыми, полными жизни и таланта, фонтанирующими блестящими идеями — и уже бесспорно вошедшими в историю как титаны нашего поколения.

**М.М.Соловьёв,**  
профессор кафедры стоматологии хирургической  
и челюстно-лицевой хирургии,  
доктор медицинских наук, профессор,  
Почетный доктор Университета, з.д.н. РФ